

БОЛЬШАЯ КНИГА СТИХОВ
с биографиями поэтов и иллюстрациями

Я московский
озорной гуляка

Сергей Есенин

Издательство
АСТ

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
Е82

Дизайн и оформление серии *Ани Якуниной*

Иллюстрации *Аиды*

Предисловие *Аллы Марченко*

Есенин, Сергей Александрович

Е82 Я московский озорной гуляка / Сергей Есенин; предисл. А. Марченко — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 368 с. ; ил. — (Большая книга стихов с биографиями поэтов и иллюстрациями).

ISBN 978-5-17-145115-8

Сергей Есенин — великий русский поэт, чей потрясающий и многогранный талант подарил миру проникновенную лирику, залихватские строки кабацких стихов, вдумчивые рассуждения о Родине. Воспевая родную природу, Русь-Россию, любовь к жизни и миру, Сергей Есенин словно облакает в слова наши собственные чувства и эмоции, тонко передает настроение и волнует душу.

За свою короткую жизнь он выпустил множество поэтических книг и сборников: его первая книга вышла, когда Есенину едва исполнилось двадцать лет, а последнее стихотворение, написанное собственной кровью, легло на бумагу через десять с небольшим лет. «Будь же ты вовек благословенно, что пришло процвезть и умереть»..

УДК 821.131.1-1
ББК 84(4Ита)-5

ISBN 978-5-17-145115-8

© А.М. Марченко, предисловие, 2022

© А., иллюстрации, 2022

© Издательство АСТ, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ ЗАГАДКА РУССКОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Так уж повелось, что житейская биография автора и творческий его путь, хотя и «перекрещиваются», функционируют все-таки по отдельности, разведенными по разным жанрам. А то и издательствам. Про творчество — «Наука», про жизнь — ЖЗЛ. Случаются, естественно, и отступления от обыкновения. Жизнь, объединившись с литературой, преобразается в единственно возможную среду и обитания, и творческой самореализации. Тогда-то, видимо, и возникает то, что Блок, оглянувшись на Пушкина и Лермонтова, называл Загадкой русской жизни и литературы.

Причина гибели Есенина до сих пор дискуссионна. Как и достоверность воспоминаний современников. Особенно тех, кто оказался 28 декабря 1925 года в «Англетере» почти одновременно с медиками и милицией. Время отправления траурного вагона, наконец-то прицепленного к пассажирскому составу Петроград — Москва, отмечено наобум. Сумбурны и повествования очевидцев как о церемонии похорон, так и о реакции читающей публики («простых москвичей») на невозполнимую утрату. Почти единственное исключение — «свидетельские показания» Ивана Никаноровича Розанова, многоумного филолога и «гения библиографии». Он, как и всегда, пунктуален в деталях: «Последняя моя встреча с Есениным состоялась 30 декабря 1925 года, когда мы, московские писатели, пришли в Дом печати встретить прибывший из Ленинграда гроб с телом покойного поэта. Был сырой зимний вечер. Подавленные бессмысленной смертью,

молча стояли мы у гроба. А на здании Дома печати порывистый ветер колыхал длинный белый плакат, на котором крупными буквами написано было: «Умер великий русский поэт».

В дни большого есенинского юбилея (столетие рождения: октябрь 1895 — октябрь 1995), кроме дежурно восторженных массовок, стали исподволь раздаваться и скептические, а то и раздраженно-несогласные голоса. Общего мнения это, конечно, не поколебало: Великий — отныне и впредь. Зато и альтернативные точки зрения и самоутвердились, и на литературной карте нарисовались с нажимом. В том числе и такая: Есенин — поэт для бедных разумом полуинтеллигентов. Но мы, россияне, читатели хотя и человекообразные, но непредсказуемые. В наших литературных спорах истина частенько либо не зарождается, либо умирает при родах, а к размышлениям ежели что и влечет, то отнюдь не самые убедительно достоверные сведенья и соображения. Например, решительное несогласие Есенина с пушкинской трактовкой личности Пугачева (в «Капитанской дочке»). Илья Шнейдер, коммерческий директор танцевальной школы Дункан, появляясь на Пречистенке, куда Есенин по настоянию Айседоры переселился, не без удивления наблюдал, как Есенин, не дописав еще «Пугачева», весь 1921 год занимался проблемой его издания. Носился по издательствам и типографиям, настойчиво противопоставляя своего «правильного» Пугача неправильному Пушкинскому. Причем не только в «Капитанской дочке», но и в «Истории Пугачевского бунта». А вот о чем говорил в дни пушкинского юбилея: «Я очень, очень много прочел для своей трагедии и нахожу, что многое Пушкин изобразил просто неверно. Прежде всего сам Пугачев. Ведь он был почти гениальным человеком, да и многие его сподвижники были людьми крупными, яркими фигурами, а у Пушкина это как-то пропало».

Вот тут бы нам всем и задуматься и вдуматься. Однако же и сегодня, даже в гуманитарно продвинутых частных гимназиях об этом «несогласии» всего лишь

упоминается. Походя, вскользь. А сюжетик, между прочим, прямо-таки золотомедальный. Даже для заочных слушателей Пушкинской академии. К сожалению, и они по застарелому обыкновению, реагируют не лучшим образом: «не повернув головы кочан» в сторону указки экскурсовода. Эка невидаль, общеизвестный музейный экспонат. И мимо, и далее... Быстрее, товарищи, в ногу! А как упрощена и усреднена история отношений Есенина и Маяковского? Точнее Маяковского и Есенина: до сих пор будто на уровне радиопередачи «Театр у микрофона». Без попытки ответа на неизбежное читательское «почему?» Так ведь и впрямь «почему?» Почему эти урожденные «супротивники», друг друга практически обычно не замечавшие (в исторической реальности литературного быта), ни с того ни с сего вдрызг «раздуэлились» летом 1924-го, в дни празднования двадцатипятилетия со дня рождения Пушкина? И не где-нибудь, а у подножия многострадального памятника? Картинка, правда, только делает вид, что с натуры срисована. На деле 6 июня 1924 года Маяковского на Тверском бульваре никто не видел. Скорее всего его и в Москве в те дни не было. Весь год в разъездах. В том числе и по границам. А вот Есенин был, и все тот же Иван Никанорович Розанов этот факт зафиксировал в уже упоминавшихся «Воспоминаниях»: «Особенно запомнилось мне выступление Есенина у памятника Пушкину в 1924 году в день 125-летнего юбилея великого поэта. Есенин стоял на ступеньках пьедестала, светлые его кудри резко выделялись в толпе. В руках он держал букет цветов, который от Союза писателей он возложил к подножию памятника. Он читал свое известное стихотворение, посвященное Пушкину, громко и четко, размахивая как обычно руками:

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Словом, несмотря на неприсутствие по причине отсутствия, дуэльный пистолет первым заряжает все-таки Маяковский. Сообщив юбиляру, что стоять им по смерти «почти что рядом», «вы, мол, на Пе, а я-то на ЭМ», и не найдя в «пещерном» прошлом возражений на нагловатое свое ПОЧТИ, перешагивает в следующее столетье. Однако ж и там, на его, конечно, вкус, еще безнадежнее. Инициатив Министерства народного образования не видать — не слышать, зато «од-нар-образ-ный пейзаж» холодной войны в наличии. И пистолет срабатывает:

Ну, Есенин, мужиковствующих свора.
Смех! Коровою в перчатках лаечных.
Раз послушаешь...но это ведь из хора!
Балалаечник!

Судя по напряженной программности «Юбилейного», Маяковский готовился к дуэли с Есениным всерьез и загодя. Заранее прикидывал: что эффективнее — эстрадные групповые перебранки или дуэль на фоне Памятника? И кого брать в секунданты? Старые друзья-футуристы наверняка бы сгодились. Но... выйдя из моды, обессилели. Сбрасывать конкурентов со сторожевых катеров современности стало невмоготу. Здесь и сейчас — куда бы ни шло. Но в долготу дней?

Нет, дуэль эффективнее...

В какой же из дней юбилейного лета впервые появилось в печати «Юбилейное», бесхлопотно выяснить мне, каюсь, не удалось. Да это и не так уж и важно. Ответный есенинский выстрел прозвучит в той же «Заре Востока», которую десятью днями ранее, проездом, ее осчастливил Маяковский маловыразительным текстом с еще более невыразительным названием: «Владикавказ–Тифлис». Ответственный секретарь «Зари Востока» — добрый приятель обоих «дуэльщиков», стало быть можно не беспокоиться. Дуэльный номер газеты Маяковскому будет доставлен непременно. А доставлять было что. Ну, чем не вызов на поединок?

Мне мил стихов российских жар.
Есть Маяковский, есть и кроме.
Но он, их главный штабс-маляр,
Поет о пробках в Моссельпроме*.

Словом, хочешь не хочешь, а приходится с этим фактом считаться. Есенин по-прежнему, как и сто лет назад, все еще самый-самый. И самый читаемый, и почитаемый, да еще и единственный наизусть знаменитый. Поэмы, к сожалению, в состав экстразнаменитых пока не попадают, ни Библейские, ни «Пугачев». Они, отмечают библиотекари, «на любителя». Правда и то, что среди любителей есть у нас и не рядовые. Дмитрий Быков, не любя Есенина, Библейский цикл полагает «гениальным». И все-таки...Если бы не Высоцкий и не озвученный его шармом Хлопуша, обожатели Мандельштама вряд ли бы стали заглядывать в есенинские «скрижали». В кругах постсоветских нео-дворян Есенин числится в простецах. Переубедить их почти невозможно, поскольку непростота есенинской выделки местами и впрямь похожа на простоту, в силу множественности смыслов, запертых на замок «тайного слова». Подобрать ключ, а то и ключи, к этому замку — ой как непросто. Скажем, такой факт. Летом 1916 года Есенин случайно оказался в гостях у общего с Блоком знакомого. Обсуждалась картина (видимо, с помощью репродукции) модного в том году польского художника (сюжет — пожар Рима). Отзывы о ней записывались в памятный альбом хозяина. Текст, вписанный Есениным, к пожару Рима прямого отношения не имел. Это были стихи. Вот эти.

Слушай, поганое сердце,
Сердце собачье мое.
Я на тебя как на вора,
Спрятал в руках лезвие.

* «На Кавказе». Первопубликация в газете «Заря Востока». Тифлис, 1924, 19 сентября, № 681. — сноска

Рано ли поздно всажу я
В ребра холодную сталь.
Нет, не могу я стремиться
В вечную сгнившую даль.

Пусть поглупее болтают
Что их загрызла мета;
Если и есть что на свете—
Это одна пустота.

3 июля 1916

Некоторое время спустя, в присутствии Есенина, владелец альбома показал это стихотворение Блоку. Блок ответил Есенину тоже стихами, вписав их в тот же альбом. Эти первые двенадцать строчек Пролога к поэме «Возмездие» прежде всего и вспоминаются, когда пытаешься понять, что же именно имел в виду Есенин, когда утверждал, что обожаемый им Блок — поэт бесформенный. Настоящей правды мы, разумеется, никогда не узнаем, но разницу в выделке почувствуем. Особенно при сравнении другого фрагмента из «Возмездия» со стихотворением Есенина, в котором тоже упоминается напугавшая Блока хвостатая Комета, появление которой оба поэта воспринимают как «Пророчество».

Блок об этом говорит, что называется, в лоб. Есенин же, если употребить термин, принятый в его причудливой поэтике: «через слагаемость», то есть способом сложения нескольких «преображений» первичной «фигуральности». Вот — для сравнения и этот фрагмент, и то стихотворение Есенина.

Александр Блок

Отрывок из Пролога к поэме «Возмездие»

Двадцатый век...Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла.
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).

Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине,
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рев машины,
Кующей гибель день и ночь...

Сергей Есенин

Душа грустит о небесах,
Она не здешних нив жилища.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый шевелится.
То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.
Понятен мне земли глагол,
Но не страхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.
Так кони не стряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину.

Блок перечисляет общеизвестные приметы еще совсем новенького XX века. Тут и широко востребованные «средствами массовой информации» мировые новости, тут же, в одной куче, подробности, прибавленные «от себя лично». Они заключены в скобки, но мало чем отличаются от широко известных. На неосведомленный вкус – переизбыток информации; на осведомленный глаз – изысканный литературный прием. Российский его вариант изобрел некогда князь Вяземский Петр Андреевич. Он же и имя ему придумал: «пестрый мусор общежития». Иное у Есенина.

В первой же строфе, (той, где «зеленый огонь» «шевелится»), читателям предлагается заглянуть в есенинский трактат «Ключи Марии», чтобы вспомнить, что «все мы чада дерева», а убеждение, что «все от дерева» — «религия мысли нашего народа». Это во-первых. Во-вторых: в самых скромных собраниях сочинений Есенина (по авторской воле) это казалось бы безмятежное стихотворение печатается заподряд, в смысловой связке с трагическими «Кобыльми кораблями». К тому же они еще и повязаны, то есть связны «струением» (любимое есенинское слово) и преобразованием образа луны. (По Есенину, согласно с изложенной в «Ключах Марии» поэтикой, лунные образы — «от плоти»; солнечные — «от разума»). В соответствии с такой установкой, в стихотворении «Душа грустит о небесах»...» луна, приземлившись на спину стреноженного коня и впившись, словно огромный овод, в его хребет, пьет лошадиную кровь... Раскручивая хвост, коняга пытается его стряхнуть. Но это ему не удастся. Овод не комар, пока не насосется кровушки и сам не отвалится:

Так кони не стряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну ...

То же самое распределение «духа и знаков» и в маленькой поэме «Кобыльи корабли». Луна, вернее, еще не луна, а новорожденный месяц, словно щенок, «лакает облака», принимая их за небесное молоко («Небесного молока даждь нам днесь»), то есть уже и подросла, уже и олунилась, а ведет себя словно новорожденный месяц:

Не пора ль перестать луне
В небесах облака лакать...

Словом, Есенин настойчиво напоминает: воздушная, «грустящая о небесах» миниатюра возникла на одной волне с самыми «значными» произведениями само-

го взрывного русского года —1919-го: «Пантократором», «Кобыльими кораблями» и «Сорокоустом». Три глыбы, вывернутые из самородных глубин «плугом бурь», сразу же связываются способом слагаемости. Вулканоподобие имагинистского устройства преобразуется в огнедышащее извержение новорожденных вулканов. И все-таки меж ними, для восполнения объема, — золотые лощины и взгорья:

То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листе первоначальной.

К ним-то автор-творец («се творю все заново») и обращается: «Стихи мои, спокойно расскажите про жизнь мою». Ну, как тут не вспомнить сказанное Горьким о Есенине: Не столько человек, сколько орган, созданный самой природой для любви ко всему живому в мире и милосердия? Оно же, милосердие, по Горькому, заслужено человеком. Но то Горький. Есенин, когда в «Кобыльях кораблях» «прорастает»-таки «глазами в глубину», видит хотя и сад...но какой сад? Вот какой: «Черепов златохвойный сад!» А прислушавшись, слышит и вовсе неслыханное:

Слышите ль? Слышите звонкий стук?
Это грабли зари по пушам.
Веслами отрубленных рук
Вы гребетесь в страну грядущего.

Больше того, чтобы и читатель стихов и успел, и сумел не просто заглянуть в глубину, но и прорасти в нее, поэт предлагает ему оглянуться. Сначала, разумеется, на Пушкина, всем нам сызмала предсказавшего: «Товарищ, верь! Взойдет она, \ Звезда пленительного счастья.\ Россия вспрянет ото сна \И на обломках самовластья \Напишут наши имена...» Правильно предсказал. От самовластья

одни обломки. А что теперь? Теперь? «Бог волчице ребенка дал»? «Человек съел дитя волчицы»? Вопросительные (внутри себя) знаки не случайны. Есенин невидимо подключает к собеседованию еще и Блока. Знаменитая его поэма — у всех на памяти. Вот только приближаться к ней боязно: шибанет током. От множества прямо-таки наэлектризованных взрывных осколков...

В поисках «Ключей Марии» к одной из «простеньких» есенинских загадок, мы, кажется, уклонились, вроде как сбились с выбранного маршрута. По ходу дела, конечно, а все-таки вернемся хотя бы в жанр, то есть в юбилейный 1995-й.

Дипломатически узаконенное Юбилеем неравновесие равновесных точек зрения на феномен Есенина длилось не долго. Время вдруг снова переломилось. Прилагательное Великий сделалось всего лишь Титульным, т.е. обязательным в процессе аккредитации при «Высшей власти» чемпионов по карабканию вверх. Тогда-то, и не только в интеллигентских слоях, но и в «простом народе» стали обнаруживаться оглядки на предыдущие «переломы исторического времени». Начиная с первого, почти на дедовских глазах надломившегося века. Правда, пробные те переломы ни роковыми, ни открытыми поначалу не воспринимались. И пяти лет после Дальневосточной войны не прошло, а Россия уже и успокоилась, и оклемалась, и даже осеребрилась. Вот только лет через десять опять неожиданно-негаданное обнаружилось. И не во глубинах «потайственных», почти сверху лежало. Тогда-то и выяснилось, что и тот неожиданный «перелом времени» был онтологически «судьбоносным». «Отречемся от старого мира, отрясем его прах с наших ног...» Отрекались, кстати, поначалу и весело, и совместно, хором, а вот усомнившись, спрашивали уже по отдельности: с ног-то зачем отрясаем? Да еще и в прах обратив? Сами себя спрашивали, сами себе отвечали: «Мы ж новый мир желаем построить. Свой — для своих. « Кто был ничем, тот станет всем».

Среди порядком озабоченных массовым отречением от старья, неожиданно для самого себя оказался и Александр Александрович Блок. Так растревожился, что попробовал доказывать жожакам «незнакомого племени», что выбрасывать за борт прошлое, да еще с верхней палубы прогулочных парходиков, бесполезно. Немилое недавнее не «утопает», ибо тайно-подспудно продолжается в настоящем, а то и превращается в будущее. Но те, со смехом, открещивались. В сложно-системные доказательства не вникая. Недоказуемо и все тут. Но когда и строители фарфоровых дворцов, спроектированных Игорем Северяниным для принцессы Мимозы, вскарабкавшись на корабль современности, стали рваться в передовики по сбрасыванию со своего судна устаревшую рухлядь, включая и Пушкина, в обнимку с Державиным, Блок яриться не стал. Блок и нашел, и сформулировал, и обнародовал 100%-но доказательную максиму, на все времена годную. И где? В необязательной – «проходной» – рецензии на бездарную книжку о Лермонтове.**\ Вроде бы между делом, вроде бы апропо, разъяснил непонятливым, в чем же истинная причина бессмертной ВЕЛИКОСТИ:

«Лермонтов и Пушкин — образы предустановленные. Загадка русской жизни и литературы».

Блоку, кстати, первому из угадчиков (так уж сложилось) силою вещей выпала вероятность если и не угадать и в Есенине образ предустановленный, то хотя бы почувать, что в Российском поэтическом космосе происходит нечто. То ли сгущение звездной пыли, то ли зарождение новой планеты. Ведь согласно легенде 9 марта 1915 года Есенин не вошел, а прямо-таки ввалился в русскую литературу через отнюдь не Открытый Дом Александра Блока. Не скинув ни «сапоги бутылочками», ни старенький (не заячий!) тулупчик. Да и Стихо–Творения вручал бессловесно. Прямо в прихожей. Упакованными во что-то матерчатое. То ли в девичий полушалок, то ли во вдовий бабий платок. Ну, чем не пришелец не из мира сего? Но это Апокриф. На самом же деле по приезде в столи-

